

УДК 94(47)

Эвакуация из Омска (1919 г.): мемуарные записки служащего Красного Креста Н. Н. Волкова

Петин Дмитрий Игоревич

Аннотация

Работа представляет собой научную публикацию ранее неизвестного источника личного происхождения – мемуарных записок служащего Красного Креста Николая Николаевича Волкова (1870-1937), освещающих оставление антибольшевистского Омска и проделанный мемуаристом путь до города Тайги. Текст источника предварен вступительным комментарием публикатора. Публикация адресована широкому кругу читателей – исследователям Гражданской войны, военной, политической и социальной истории, повседневности и эго-документов.

Ключевые слова: Гражданская война, Красный Крест, белое движение, белый Омск, источники, эго-документы.

Научная специальность: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки).

DOI: 10.31806/2542-1158-2019-3-4-63-84

Evacuation from Omsk (1919): memoirs of the official of the Red Cross N. N. Volkov

Petin Dmitry Igorevich

Abstract

The work is a scientific publication of a previously unknown source of personal origin – memoirs of the Red Cross official Nikolai Nikolaevich Volkov (1870-1937), covering the abandonment of the anti-Bolshevik Omsk and the memoirist's journey to the city of Taiga. The source text is preceded by the publisher's opening commentary. The publication is addressed to a wide range of readers – researchers of the Civil War, military, political and social history, everyday life and ego-documents.

Keywords: Civil war, Red Cross, white movement, white Omsk, sources, ego-documents.

Research area: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences).

¹ © Petin D. I., 2019. Corresponding author E-mail address: dimario86@rambler.ru
© Northern Archives and Expeditions. All rights reserved

В российской исторической науке одним из «традиционно актуальных» направлений является Гражданская война. При этом, наряду с изданием аналитических трудов, начиная еще с 1920-х гг. усилиями исследователей определенный массив источников постоянно вводится в научный оборот путем научной публикации. Одновременно с этим состоявшийся в исторической науке антропологический поворот поставил во главу угла личность человека, его судьбу, деятельность, взгляды. Именно с междисциплинарных военно-антропологических позиций современные исследователи все чаще рассматривают процессы наиболее сложного и неоднозначного для отечественной истории военно-революционного периода 1917-1922 гг. (Алексеева, Журавлев, Сушко, 2018; Анфертьев, 2011; Бажуков, 2008; Гладышев, 2017; Сенявская, 2018). Как следствие, в рамках развивающейся «археологической тенденции» историками в наши дни публикуется большое число различных эго-документов. При этом все чаще история первой четверти XX в. предстает сквозь видение «маленького человека» – рядового участника событий (Скипина, 2003: 136; Цветков, 2018: 246-248; Стельмак, 2018: 59-60).

Военно-революционная действительность бросила вызов российскому обществу, поставив его в новые, чрезвычайные условия. Для многих людей в их социальном статусе все это обернулось переменами (причем, как не желанными, так и желаемыми) (Сушко; Нехаев; Самойлов, Ходяков, Янченко; Акульшин, Гребенкин). Приводимый нами источник ярко иллюстрирует данный тезис. Подчеркнем, что для полноценной трактовки неоднозначных событий вековой давности подобные публикации особо важны, в том числе, в деле разоблачения исторических мифов о Гражданской войне, имеющих место сегодня в массовом сознании (Петин, Стельмак, 2017).

Предваряя публикацию источника, обзорно остановимся на личности мемуариста, чей жизненный путь, по нашему мнению, бесспорно достоин отдельного освещения. Николай Николаевич Волков родился 21 июня 1872 г. в Киеве. Он был третьим ребенком в семье

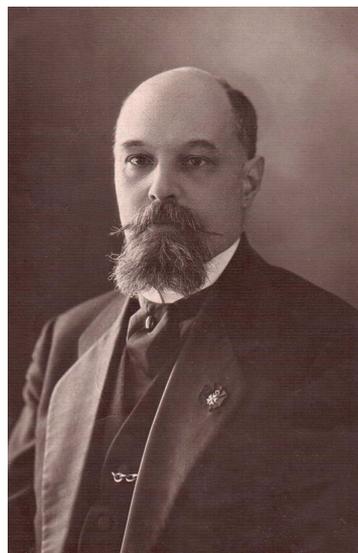

Рисунок 1. Н. Н. Волков Начало 1900-х гг.
Из личного архива Н. Е. Колчановой

потомственного дворянина, присяжного поверенного. Начальное образование получил в Киеве во 2-й мужской и 4-й Печерской гимназиях, не окончив обучения, стал вольнослушателем юридического факультета Киевского университета. В 1896 г., будучи на 3-м курсе активно участвовал в студенческих забастовках, после чего вынужденно прервал обучение. В 1899 г. поступил на государственную службу в Петрозаводске, став чиновником особых поручений при генерал-губернаторе. В 1903 г. Николай Николаевич женился на Галине Павловне Поповой, приехавшей в Петрозаводск по окончании в Петербурге Института благородных девиц. В этот же год чиновник Волков получил должность мирового судьи в городе Полонец, где и родились его дети: дочь Ольга (1905-2001) и сын Юрий / Георгий (1907-1973). До 1908 г. Николай Николаевич занимал пост земского начальника в Повенецком уезде. Имел чин титулярного советника (Архив; Волков).

В 1903 г. Н. Н. Волков сопровождал в качестве переводчика французского посла М. Бомпара в период его путешествия по Карелии, Белому морю и на Соловки. Усердная помощь российского чиновника иностранному дипломату была отмечена французским орденом Почетного Легиона 5-й степени (Chevalier) (Волков). Сохранился портрет

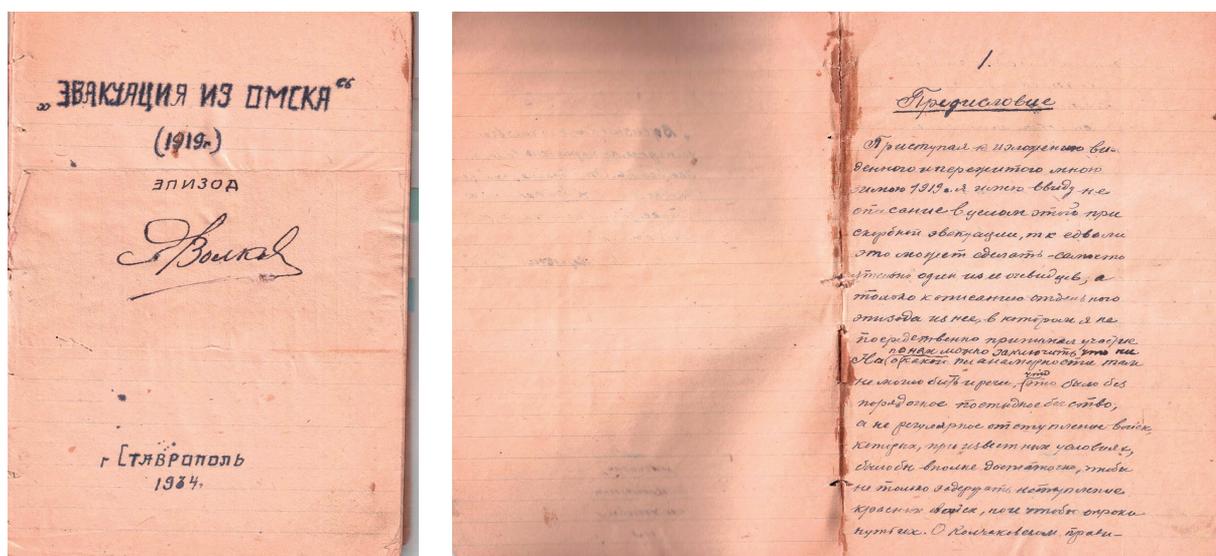

Рисунок 2. Обложка и первый лист рукописи Н. Н. Волкова «Эвакуация из Омска (1919 г.)». 1934 г. Из личного архива Н. Е. Колчановой.

Н. Н. Волкова с фрачным знаком данной награды (Илл. 1).

В 1908-1911 гг. Николай Николаевич жил в Санкт-Петербурге, работая в службе сборов на железной дороге. Затем Волковы переехали в Варшаву, где глава семьи продолжал свою деятельность контролером-ревизором поездов. В 1913 г. наш герой был переведен делопроизводителем на новую, только что открывшуюся Омскую железную дорогу. Впоследствии получил там должность начальника отделения расчета акцептации с дорогами (Архив).

В июле 1919 г. Волков по мобилизации был назначен служащим в Главное Управление Красного Креста на должность заведующего отделом формирований (госпиталей и санитарных отрядов). Отступив из Омска до Тайги. С 1921 г. Николай Николаевич стал советским служащим, занимая скромные должности в Томске и Щегловске-Кемерово; параллельно глава семьи на дому преподавал языки и математику. С 1932 г. его семья Волковых переехала в Ворошиловск (ныне Ставрополь), где мемуарист до конца своих дней в частном порядке продолжал преподавать (Архив).

В последние пять лет жизнь Николай Волков имел проблемы со здоровьем, но именно в этот период он много писал. В частности, в 1934 г., через 15 лет после Гражданской вой-

ны, он подготовил публикуемую рукопись. Она имеет важные особенности. Во-первых, выдержанная с годами рефлексия мемуариста содержит неоднократную отсылку к уже тиражированным на тот момент в СССР воспоминаниям деятелей антибольшевистского движения – А. П. Будберга, Г. К. Гинса, К. И. Гоппера, К. В. Сахарова. По нашему предположению Н. Н. Волков цитировал вышедшее в 1927 г. издание «Гражданская война в Сибири и в Северной области», где опубликованы записки упомянутых белоэмигрантов (Гражданская война). Однако свидетельства Н. Н. Волкова, несмотря на его весьма скромную относительно белого движения должность, выглядят не менее колоритными по части отдельных приводимых описаний и характеристик. Во-вторых, текст воспоминаний носит откровенный характер, предполагающий по тону и стилистике обнародование в далеком будущем.

Советской властью Н. Н. Волков трижды подвергался политическому преследованию. В Омске в апреле 1918 г. он был под следствием, но дело в итоге прекратили (Исторический архив). В Томске в 1924 г. за неосторожные высказывания Николай Николаевич провёл 3 года в исправительно-трудовом доме. 29 июля 1937 г. Н. Н. Волков после обыска в своем доме был арестован сотрудниками Ворошиловского районного отдела НКВД.

Причиной ареста (по доносу) стали высказывания задержанного об уничтожении в ходе репрессий лучших людей общества. Обвинения не признал. Тройкой НКВД по Орджоникидзевскому краю 12 августа 1937 г. Волков Николай Николаевич был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 22 августа 1937 г. в Ворошиловске. Посмертно реабилитирован 15 августа 1956 г. (Архив).

Отметим важную биографическую и генеалогическую деталь. Сын Н. Н. Волкова Юрий был женат на Наталье Николаевне Артамоновой (1904-1976) – дочери генерал-майора Николая Николаевича Артамонова (1872-1937), в начале 1920-х гг. – военспеца РККА, впоследствии советского служащего, ставшего, как и Н. Н. Волков, жертвой массовых политических репрессий (Петин, Каминский; Петин, 2018).

Документ приводится по оригиналу-черновику (чернильная рукопись). Компьютерный набор осуществлен правнучкой мемуариста, жительницей Москвы Н. Е. Колчановой, в чьем личном архиве, хранится подлинник (Илл. 2). Текст источника дан в соответствии с современными правилами литературного русского языка с сохранением стилистических особенностей мемуарных записок. Очевидные орфографические и пунктуационные ошибки автографа, не несущие столь-было явной смысловой нагрузки, по умолчанию исправлены при подготовке текста к публикации. Название работе было дано ее публикатором.

Автор выражает большую благодарность правнучке мемуариста Наталье Евгеньевне Колчановой за сильную помощь при подготовке данной работы.

Эвакуация из Омска. Эпизод

«В жизни каждого человека есть дни, которые следовало бы записать. Это такие «дни», которые могут представлять интерес не для него одного, а и для других.»

В. Шульгин («Дни»)

Предисловие

Приступая к изложению виденного и пережитого мною зимою 1919 г., я имею в виду не описание в целом этой прискорбной эвакуации, т.к. едва ли это может сделать самостоятельно один из ее очевидцев, а только к описанию отдельного эпизода из него, в котором я непосредственно принимал участие. Но по нему можно заключить, что ни о какой плановости там не могло быть и речи, что это было беспорядочное постыдное бегство, а не регулярное отступление войск, которых, при известных условиях, было бы вполне достаточно, чтобы не только задержать наступление красных войск, но и чтоб опрокинуть их. О колчаковском правительстве и о нем самом многое уже написано, и я коснусь их постольку, поскольку они будут иметь отношение к моему рассказу. Не хочу напрасно тревожить праха этого несчастного адмирала, который, по какому-то недоразумению, очутился в роли бутафорского «правителя». Я только намерен, как выразился В. В. Шульгин в предисловии к «Дням», записать те дни из моей жизни, которые, полагаю, могут представлять интерес не только для меня одного, но и для других. Может быть, и будущий правдивый историк почерпнет из этого очерка что-нибудь для себя полезное, посмотрит, и оценит происшедшие тогда факты, не с узкой точки зрения заинтересованных в них генералов-мемуаристов, а с беспристрастной – очевидца, не заинтересованного в искажении фактов и в оправдании и обелении своей деятельности, как [своей] этим позорно бежавшим «героям», стремящимся теперь реабилитировать себя в глазах эмиграции и иностранцев. Нам, очевидцам их «доблести и патриотизма», они очков не вотрут, и, сваливая вину друг на друга, они только больше разоблачают всю ту грязь и пошлость, в которой завязли. Но подрастающему поколению не мешает знать правду, чтобы не увлекаться подобными «героями» и не верить им. В этот очерк мне пришлось поместить некоторые подробности, имеющие чисто семейный характер, но избежать которых я, к сожалению, не мог, т.к. без них рассказ

был бы не совсем ясен и общая картина царившей тогда разрухи не полна.

До эвакуации. Формирование санитар[ных] обозов

В июле 1919 г. по распоряжению Верховного правителя Колчака я был мобилизован и переведен из Управления Омской жел. [езной]дор.[оги], где я занимал должность начальника отделения Службы сборов, в распоряжение врем[енного]. Главного Управления Красного Креста. Здесь я был назначен зав. [едующим]отделом формирований. С первых же шагов своей новой деятельности я увидел, что в этой области, почти ничего не было еще предпринято: не было ни одного санитарного обоза, ни мало-мальски сносного санитарного поезда, что в больницах и госпиталях Кр.[асного]Кр.[еста], где находилась масса раненых и больных, ощущалась острая нужда в медикаментах и белье и т.п. Вот, что пишет барон Будберг (военный министр Колчаковского правительства) в своем дневнике от 20 августа 1919 г.: «Недалеко от штаба (третьей армии генерала Сахарова – примеч. Н. Н. Волкова) расположен полевой госпиталь, находящийся в самом ужасном состоянии: больные и раненые валяются в пакгаузах, стоящих среди луж зеленой жижи, которые все время пополняются производимыми тут же естественными надобностями больных, половина из которых – тифозные. Раненые валяются на грязных и колючих досках, без всякой подстилки. Единственный на весь госпиталь доктор и две сестры милосердия сбились с ног от непосильной работы. Вместо чаю дают какую-то жидкую грязь, хлеб черствый, зато рядом, в штабе, помещается санитар-инспектор с порядочным штатом докторов и фельдшеров, пишущих на машинках».

Нужно было немедленно браться за исправление этих недочетов. Но вот тут-то я и столкнулся впервые с почти непреодолимыми препятствиями. Для формирования санитарных обозов нужны были лошади, повозки, упряжь и т.д., а их ни на рынке, нигде в окрестных селениях не было, т.к. все это было уже давно реквизировано военными

властями для нужд армии. Пришлось выписывать лошадей за много сотен верст из-под Барнаула и Бийска, что страшно тормозило дело. Больные и раненые с фронта перевозились в неочищенных от грязи товарных вагонах из-под скота, а получить классные вагоны для санитарных поездов не было никакой возможности. В распоряжении Управ.[ления] Омской жел[езной]дор[оги] не было свободного подвижного состава, в то время как сотни вагонов были заняты под квартиры старших служащих с их семьями. На одних только подъездных путях городской ветки у самого здания Упр.[авления] жел[езной]дороги, где помещалась и ставка Верховного правителя, стояло около сотни вагонов I и II классов, где помещались ком[андные]составы армий, состоящие из «героев тыла» и пристроившихся на теплых и безопасных местечках. Они наводняли министерства, штабы и разросшуюся до невероятных размеров Ставку. Главная их деятельность заключалась в оборудовании всевозможных темных делишек, спекуляции, пьянстве и разврате. На фронт попадали главным образом, младший ком[андный]состав (подпоручики и прапорщики), так называемых ускоренных выпусков и те из сред[него] ком[андного]состава (штаб-офицеры), которые не имели протекции. Французские офицеры, инструкторы по артиллерийской стрельбе, обучавшие их обращению с новыми полученными из-за границы орудиями и пулеметами, жаловались на их невежество и неграмотность в военном искусстве. И таким командирам вверялась участь не только взводов, рот, батарей, но часто целых полков и дивизионов.

Как я потом неоднократно убеждался, вокруг несчастного [Верховного] правителя собралась целая банда авантюристов, эксплуатировавших и обманывавших этого безупречно честного и порядочного, но слишком доверчивого человека, не обладавшего, к тому же, нужными административными способностями и не умевшего подбирать себе достойных сотрудников. Я несколько раз пытался добиться освобождения хотя бы нескольких десятков этих занятых под квартиры вагонов для устройства санитарных поездов, но, увы,

всегда безуспешно. Меня даже не допускали к Колчаку, а все мои протесты, рапорты и докладные записки, оставались «гласом вопиющего в пустыне». Вот что пишет барон Будберг в своем дневнике от 13 августа [1919 г.]: «Несчастный, слепой, безвольный адмирал, жаждущий добра и подвига и изображающий куклу власти, которым распоряжается вся эта компания, с внутренними достоинствами которой я сегодня познакомился. В армии – развал; в ставке – безграмотность и безголовие, в правительстве – нравственная гниль, разлад и засилье честолюбцев и эгоистов; в стране восстания и анархия; в обществе – паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плавают и наслаждаются разные проходимцы-авантюристы. Куда же мы придем с таким багажом?».

Госпиталя Кр.[асного]Кр.[еста] страшно нуждались в белье для больных и раненых, а нигде нельзя было приобрести его в достаточном количестве, т.к. едва появлялось в продаже где-нибудь, значительная партия его, как ее реквизируют военные и санитарные ведомства, и оно, не достигая цели, моментально разбазаривалось спекулировавшими главами ведомств и их помощниками. Омское «именитое купечество», боясь за свою «мошну», старательно прятало имевшиеся у них в изобилии всевозможные товары, приберегая их до удобного случая, когда можно будет продать их по баснословным ценам. Эти жадные и подлые Плюшкины вполне заслужили те жестокие репрессивные меры, которые применены к ним советскою властью, чтобы заставить их отдать нажитые ими спекуляциями и мошенничеством миллионы. Совершенно правильно утверждают, что слова «родина», «патриотизм» и т.п. – пустой звук для русского человека. Не говоря уже о стомиллионном невежественном и некультурном крестьянстве, девиз которого: «моя хата с краю, ничего не знаю», но и среднебуржуазные классы и высшая аристократия и дворянство, все, за редкими исключениями, забыли и перестали давно заботиться «о любви к отечеству и народной гордости», о которых так торжественно ратовал Карамзин. Те порывы, быть может,

искреннего энтузиазма, проявляемые русской толпой, в часы тяжелых испытаний и переживаний, тот необузданный восторг, овладевавший ею в минуты торжества, и в коем случае нельзя принимать за проявление его патриотизма.

Тут действовали другие факторы: главным образом, слепое подчинение своим вожакам, за которыми, как стадо овец за бараном, неслась толпа, не отдавая себе ясного отчета, куда и зачем ее ведут! Ее также легко можно заставить пойти по пути краж, грабежей и убийств, как на подвиги доблести и героизма. Под влиянием того же стадного начала шли русские солдаты, совершая иногда чудеса храбрости и самопожертвования. Разве чувства патриотизма, а тем более, альтруизма (любви ко всему человечеству) руководило русскими солдатами и офицерами, когда они под предводительством Суворова шли спасать какую-то неведомую им Италию – разумеется, нет – они шли за обожаемым ими полководцем, слепо повинувшись ему. И он мог повести их, куда и зачем угодно. А в Отечественную войну 1812 г., разве из чувства патриотизма горожане и крестьяне сжигали свое имущество и насиженные гнезда, убегая от наступающего грозного врага. Тут просыпалось в них чувство самосохранения, – а часто их просто выгоняли отступающие русские войска, сами поджигая дома и запасы, чтобы ими не воспользовались «полчища Наполеона». А когда эти полчища стали в беспорядке отступать, полураздетые и голодные, не чувство ли мести и жажда наживы влекла крестьян совершать «геройские подвиги», нападая на почти безоружных и замерзших людей. Не то же самое ли чувство руководило войсками Деникина, Врангеля, Краснова и tutti quanti отрядами Шкуро, бандами Махно и другими партизанскими отрядами, когда они грабили мирных жителей, одни под флагом «единой и неделимой», другие под лозунгом «спасения свобод, независимости и революции»? Не спорю, были отдельные личности, сознательно отдававшие жизнь свою за честь и родину, но ведь исключения только подтверждают правила. И иногда и эти истинные геро-

ические поступки были следствием не патриотизма, а проявлением необузданной широты русской природы – удали. Оглянитесь немного назад и припомните, что происходило в годы мировой войны во Франции, Бельгии, Германии и т.д. Там весь народ, как один человек, стали на защиту своих родин. Были забыты все политические и классовые разногласия и вражда. Социалисты, буржуазия и аристократия слились в одном общем порыве любви к своему отечеству. Все способные хоть отчасти носить оружие, стремились на фронт. Считалось позором, преступлением уклоняться от военной службы.

А у нас? Кто только мог, начиная от высшей аристократии и кончая серым мужичком и рабочим, все старались «окопаться в тылу», где-нибудь занять теплое, доходное, а главное, безопасное местечко. И это во время самых критических минут, когда решалась участь родины, и на карту были поставлены благополучие, честь и слава ее. После всех тех событий, которые мы наблюдали в мировую и гражданские войны, можно ли сомневаться в отсутствии патриотизма у русских людей. Русский человек даже не интернационалист, – он совершенно индифферентно относится ко всем народностям, и ко всему, что не касается его лично, и «его рубашки». Это материалист, собственник до мозга костей. На первый взгляд он кажется добродушным и отзывчивым, но достаточно, чтобы коснулись его личного благосостояния, как в нем просыпается зверь, готовый растерзать вас при первой попытке вашей коснуться его собственности. Разве можно говорить о «любви к отечеству и народной гордости» таких дикарей, когда в них нет даже примитивных понятий о личном достоинстве и чести. Из страха лишиться материальных благ они готовы на все: раболепство, унижение, обман, даже преступление. Недаром же с восторгом подхватили брошенный им преступный лозунг «грабь награбленное». Мне, как русскому человеку, было страшно обидно и больно прийти к такому грустному заключению. Я всю жизнь любил Россию и русских людей, верил в них, гордился ими, идеализировал их, приписывая им

массу достоинств, и вдруг революция, гражданские войны открыли оборотную сторону медали, и все то, гаденькое и подленькое, что скрывалось в глубине их души, сразу выплыло наружу.

Русский человек не за 30 серебряников, а за пятиалтынный продал все: честь, родину, и даже собственную совесть. Не знаю также, почему русского крестьянина считали глубоко верующим. О религии своей, в большинстве, он имел самое смутное представление. Достаточно указать на тот факт, что некоторые из крестьян считали Троицу, состоящую из Христа, Матери Божьей и Николая Чудотворца. На самом деле они только автоматически исполняли религиозные обряды: ходили в церковь, крестились, клали земные поклоны, целовали иконы, ставили свечи и т.д. Но нравственных законов Христианской веры они не знали, и ими не интересовались. Если они исповедовались, причащались, крестили своих детей и т.д., то под неусыпным влиянием и давлением духовенства, пугавших их адом и страшным судом. А от преступлений они часто воздерживались не потому, что считали их безнравственными, а из страха перед уголовными законами. Но как только началась революция, и с них снята была полицейско-поповская опека, они сразу сорвали с себя маску благочестия и ханжества, и предстали перед всеми во всей своей неприглядной наготе. Они оказались атеистами, нет, хуже них, т.к. у последних бывают нравственные устои, а у этих дикарей не было сдерживающих центров, и они принялись красть, грабить, убивать, жечь всех и все, что попадалось им под руку, лишь бы отомстить, и, главное, нажиться. Не пощадили они и своих бывших святых церквей и монастырей, грабили и глумились над ними. Вот в этой-то области русский мужик и показал изнанку своей подленькой душонки. О верхних слоях общества: русской аристократии, буржуазии, купечестве и духовенстве и говорить нечего. Большинство из них всегда были неверующими, – лицемерами и ханжами, но у них были сдерживающие центры, благодаря которым они сохраняли, хоть наружно, известную долю приличий. Свой разврат и грязные

делишки они прикрывали гражданской добротелью. Революция и гражданские войны разорвали эту гнилую старую тогу и из-под ее лохмотьев выглянула такая же гаденькая душонка русского интеллигента.

Не знаю и не берусь судить, татарское ли иго, двухвековое ли рабство, или какие-либо еще другие причины способствовали этому. Или русские унаследовали это от своих предков – славян, варяг и хазар, постоянно занимавшихся междоусобицами, набегами и грабежами друг друга, и главную целью которых была нажива. Так или иначе, но в этом отношении русский человек достиг совершенства, побил все мировые рекорды. Однако я уклонился от основной темы, увлекся отвлеченными рассуждениями, хотя и имеющим некоторую связь с ним, а потому перейду к описанию дальнейших событий.

Итак, приступая к формированию санитарных обозов, мне, прежде всего, нужно было озаботиться приобретением лошадей, повозок, упряжи и т.п., а для этого нужны были люди, хорошо знакомые с этим делом, и с местными рынками. Я скоро отыскал таких специалистов: это были бывшие уполномоченные и агенты старых солидных фирм, но они требовали приличного вознаграждения, не довольствуясь ограниченными казенными ставками. С этой стороны я встретил сочувствие и полное одобрение со стороны бывшего тогда председателя Упр.[авления]Кр.[асного]Кр.[еста] – К. Мне была дана «carte blanche», и я завербовал нужных сотрудников. Началась лихорадочная деятельность: из барнаульских и семипалатинских степей пригоняли табуны молодых лошадей, почти совершенно диких; в городе я устроил кузницу, столярную мастерскую, а также швейную мастерскую для пошива белья. Необходимые материалы, как-то лес, железо, полотно и даже швейные машинки добыли мне упомянутые сотрудники по знакомству у толстосумов, конечно по дорогой цене, но торговаться нельзя было, да и колчаковские ден[ежные]знаки в сущности, не представляли постоянной реальной ценности. Работа закипела, и приблизительно через месяц я стал выпускать один за другим

санитарные обозы, сейчас же отправляемые на фронт. К сожалению, Упр.[авление]Кр.[асного]Кр.[еста], как и все тогдашние организации, слишком поздно взялись за ум. При том значительном количестве раненых и больных, помощь эта оказалась далеко не достаточной. В сентябре [1919 г.] дела Белой армии становились с каждым днем все хуже и хуже; она постепенно отступала, и в городе стали поговаривать уже об эвакуации. В половине сентября вопрос этот уже настолько назрел, что правительство решило учредить комиссию по эвакуации из представителей различных ведомств под председательством министра путей сообщений Л. А. Устругова. Я был назначен Упр.[авлением]Кр.[асного]Кр.[еста] в эту комиссию, как ее представитель. Вот тогда-то я вполне познакомился со всеми безобразиями, царившими в этом жалком правительстве, совершенно правильно оцененным бароном Будбергом в его дневнике. Единственным, по моему мнению, исключением из этой своры авантюристов, окружавшей несчастного [Верховного] Правителя непроницаемой стеной был Устругов, энергично работавший и старавшийся внести хоть какой-нибудь порядок на жел[езной]дор[оге]. Но один в поле не воин, и к тому же это был заурядный труженик, никаким влиянием не пользовавшийся. На первом же заседании комиссии он сообщил нам весьма прискорбные данные о состоянии жел[езно]дорож[ного] транспорта, и о тех затруднениях, которые встретятся на первых же порах при составлении плана эвакуации. Но в то время комиссия рассчитывала справиться с возможными затруднениями, уповая главным образом на «благие порывы» Верховного правителя. Но скоро обнаружилось, как гласит русская пословица: что «до Бога высоко, а до царя далеко». Сам Колчак, занятый исключительно фронтом, не посетил ни разу заседаний комиссии и, очевидно, совершенно ею не интересовался, или, по крайней мере, очень мало, т.к., несмотря на множество письменных и устных докладов Устругова, он отделялся обещаниями, и ни одно из проектируемых комиссией мероприятий не было приведено в исполнение.

С каждым днем все становилось очевиднее, что провести эвакуацию планомерно не представится возможности, и различные ведомства стали отдельно предпринимать шаги для обеспечения своих служащих вагонами. Разумеется, при такой бессистемности началась форменная борьба между ними, и кто был сильнее и имел заручку у [Верховного] правителя, тот захватывал в свое распоряжение целые составы с лучшими вагонами I и II класса, и самые исправные паровозы. Не брезговали никакими средствами, чтобы вырвать друг у друга лакомый кусочек. В комиссию все время поступали жалобы на незаконные действия и произвол некоторых ведомств и отдельных «сановников», захвативших международные вагоны первого класса, выселив предварительно оттуда их «квартирантов». То, чего не могло добиться Упр.[авление] Кр.[асного] Кр[еста] для санитарных поездов, того достигли эти авантюристы. Рассказывать подробности не стоит, слишком они гнусны. Укажу только на один факт: Управ.[ление] Омской ж.[елезной]д.[ороги], являющееся, по существу, законным и прямым распорядителем всего подвижного состава, с большим трудом отвоевало себе десяток старых вагонов III класса, чуть не отнятых у нее в последнюю минуту нашими «освободителями» чехами. В конце октября [1919 г.] начали отбывать на восток, один за другим, поезда с беженцами. В первую очередь отправлялись поезда с «сильными мира сего». Великолепные вагоны I класса Международного общества спальных вагонов, освещенные электричеством, комфортабельно обставленные, с вагон[ами]-ресторанами ожидали на подъездных путях ст.[анции] Омск своих «именитых гостей», как они называли себя «высоких комиссаров» «дружественных держав»: Эллиот, Моррис, Моцусима, генералов Нокс и Жанен, Гревс, Гаррис, Такаянаги, Сыровой и tutti quanti. Пять литерных поездов были приготовлены под личный штаб [Верховного] правителя. У каждого ком.[андующего] армией и крупного командира было по отдельному составу, и это в то время, когда нужно было вывезти из Омска массу служащих с их семьями, принужденных в последнюю минуту

плестись чуть не пешком. Вот что пишет генерал Гоппер («Начало и конец Колчака»): «То, что происходило в эти последние дни надвигающейся катастрофы в политических и правительственных кругах Омска имеет громадное историческое значение. Колчак совершенно потерял голову. В ставке образовались враждебные партии, которые боролись между собой, причем то та, то другая перетягивала на свою сторону Колчака. Поэтому было много случаев, когда Колчак неоднократно менял свои распоряжения по одному и тому же вопросу».

В Омске было несколько складов Кр.[асного] Кр.[еста] обильно снабженных дорогами лекарствами, теплым бельем, полушубками и тулупами. Белье и полушубки были, разумеется, заблаговременно разобраны для «нужд» эвакуировавшихся ведомств, но оставались очень ценные медикаменты, в том числе масса патентованных средств и несколько десятков полных наборов дорогих хирургических инструментов, полученных из Америки и Японии. В первых числа ноября [1919 г.] Упр.[авление] Кр.[асного] Кр.[еста] вдруг спохватилось и предложило мне организовать транспорт, чтобы вывезти самое ценное имущество из этих складов на станцию Иннокентьевскую (около Иркутска). Это распоряжение поставило меня в очень затруднительное положение. Во-первых, исполнить это нужно было в самый короткий срок, т.к. красные уже были недалеко от Омска, и притом в такое сумбурное время, когда нигде нельзя было закупать лошадей, саней и даже упряжи. Во-вторых, я уже было совершенно решил остаться в Омске (вопреки указа Управ[ления] Красного Креста), ясно видя, что из этой эвакуации ничего путного выйти не может. Но меня вызвали в Управу и уговорили, обещав солидно и надежно обставить транспорт. Действительно, для охраны его в мое распоряжение был откомандирован небольшой отряд (в 22 чел.[овека]) добровольцев во главе с Георгиевским кавалером поручиком Н. и храбрым вахмистром из татар. Все они были хорошо вооружены заграничными винтовками и одеты в американские френчи. В случае же моего отказа

Управ[ление Красного Креста] угрожало мне репрессивными мерами, вплоть до объявления меня дезертиром и арестом. Пришлось, волей-неволей, подчиниться, и я, скрепя сердце, приступил к формированию транспорта. Мне помогли бывшие сотрудники – представители фирм – и я, с грехом пополам, наладил обоз из 40 саней, в которые погружено было самое ценное имущество Кр.[асного] Кр.[еста]. Тогда же назрел и другой вопрос: что мне делать с своей семьей, состоящей из жены и двух детей, 12 и 13 лет?

Сначала было, я хотел их оставить в Омске, не желая подвергать их лишениям и опасностям, сопряженным с эвакуацией. Но «приятели» мои стали усиленно убеждать отправить их на ст.[анцию] Иннокентьевскую, где Упр.[авление] Кр.[асного] Кр.[еста], якобы, приспособило хорошие помещения и запасло продовольствие для эвакуированных своих служащих. Эти непрошенные советники напугали семью мою рассказами о «большевистских зверствах», о конфискации всего имущества «комитетами бедноты», оставшегося после эвакуированных служащих. Наступала суровая сибирская зима, и перспектива остаться без дров, продовольствия и без средств была ужасна. Пришлось из двух зол выбирать, по-видимому, меньшее, и я снарядил двое саней, запряженных тройками: одни для жены и детей, а другие под вещи. С семьей поехал наш хороший знакомый Л. 12 ноября [1919 г.] я отправил их в путь. Транспорт мой не был еще окончательно налажен, и мне пришлось задержаться еще в Омске на 2 дня. Кроме упомянутого отряда, к транспорту были прикомандированы фельдшер и четыре санитары. С нами поехали еще бывший завхоз моего отдела Ш. и делопроизводитель Семизоров. Фамилию этого негодяя я прописываю полностью, так как хочу, чтобы ее знали, и скажу почему. Этого субъекта я дважды выручил из беды: в первый раз, в 1914 г. – когда принял на службу в свой отдел и устроил взятие его на учет жел[езно]дор[ожным] комендантом, чем избавил его от мобилизации. И второй раз, когда он был уже мобилизован Колчаком, я вытребовал его из воинской части и устроил

в качестве санитаря при обозе. Перед отъездом семьи моей, он уговорил меня, для секретности перевезти, остающиеся в Омске имущество наше к нему на квартиру, где оставалась его семья, свояченица, жена и ребенок (между прочим, мой крестник). Я перевез к нему самые ценные вещи, в том числе и собранную мною годами библиотеку. Снабдил его запасом дров и овощей, заготовленных нами еще в осени. Он ручался и клялся, что имущество наше будет целым и невредимым. Когда же в 1921 г. (я был уже тогда коммерческим ревизором Томской железной дороги), жена моя, с полученным нарядом на вагон, приехала в Омск за вещами, то застала их в ужасном виде: все белье и одежда были вынуты из сундуков и исчезли, мебель была поломана и свалена в грязном сарае, где мокла под дождем и снегом. Но главное, большинство книг моей библиотеки исчезло, а оставшиеся разрозненные тома были свалены в том же сарае. Словом, не только обокрал нас, но, по своей хамской натуре, бессмысленно напакостил нам. В довершение ко всему этому он не только не раскаялся в совершенном им гнусном поступке, но грубо обращался с моей женой, издеваясь над нею, он нахально спросил ее: «Неужели вы приехали за своим хламом?». Тогда я, разумеется, не мог предвидеть этого и, по недостатку времени и излишней доверчивости, не принял нужных мер предосторожности, а негодяй всем этим воспользовался. Однако довольно распространяться об этом отвратительном субъекте. Такие типы, к сожалению, встречаются нередко, но они скрываются под маской простоты и добродушия, и их надо раскусить и заблаговременно разоблачать.

Вернемся теперь к моему рассказу. 14 [ноября 1919 г.] утром транспорт был уже совершенно налажен, но у команды и санитаров не было полушубков и валенок (их снабдили только шинелями и американскими башмаками), а отправляться без них в дальний путь при сильных сибирских морозах было рискованно. В складах Кр.[асного] Кр.[еста], как я уже упомянул, не было шуб и валенок, но я случайно узнал, что их можно достать в интендантских

складах. Я сейчас же отправился к коменданту гор.[ода] Омска, старичку генералу, оставшемуся там, так как очевидно, по своей дряхлости, он не был в состоянии куда-либо двинуться. Этой развалине было поручено удравшим правительством наблюдение за безопасностью жителей города. На мою просьбу выдать ордер на получение тридцати комплектов теплой одежды и валенок, он ответил категорическим отказом, требуя письменного распоряжения Колчака или ком[андующего] армией. Это был бессмысленный формализм, никто из упомянутых лиц тогда не заботился и не интересовался покинутым казенным имуществом, да и где мне было разыскивать их? Убедившись, что я ничего не добьюсь от этого рамолика, я решил действовать самостоятельно. Я отправился к одному из интендантских складов, вызвав предварительно туда по телефону свою команду. Молодцы мои явились в полном вооружении с боевыми патронами, и, по приказу поручика оцепили склад. Интендантский чиновник не соглашался выдать требуемого без ордера коменданта, но видя, что я, не колеблясь, приму решительные меры и прикажу сломать замки у склада, сам открыл их. Там оказалось большое количество теплого белья, шуб, полушубков и валенок. Я приказал отобрать нужные нам тридцать комплектов. В это время мимо склада стали проходить отступающие воинские части. Эти злополучные «герои» и «орлы», как их восторженно называли генералы, были в очень плачевном виде, обуты были они, кто в старые сапоги, кто в американские башмаки с обмотками, и в летних шинелях. Они буквально дрожали от стужи. Сердце не выдержало, и я предложил им взять из склада полушубки и валенки. Если бы вы видели, с какой радостью они бросились в склад и стали напяливать на себя то и другое! За ними стали проделывать то же и следующие отряды, и скоро склад опустел, и в нем остались только никому не нужные большие хомуты для артиллерийских запряжек. Следующей неотложной задачей было приобретение где-нибудь водки или спирта. Не думайте, что он нужен был нам для пьянства, нет, здесь преследовалась более серьезная

цель. Дело в том, что при переходах мы принуждены были останавливаться для ночевки в деревнях. Дороги были заняты сплошной вереницей отступающих в беспорядке воинских частей и беженцев, и очень трудно было доставать убежище на ночь. Брала помещения приступом, чуть не силой, и победителями оказывались те, кто обладал большими для этого данными. Колчаковские ден[ежные] знаки, с каждым днем обесценивались все больше и больше, и некоторые крестьяне даже отказывались их принимать, требуя более реальных ценностей. Вот в таких случаях спирт и мог служить нам «золотым ключом», который открывает все двери. Расчет этот оказался впоследствии вполне правильным.

Итак, задумано – сделано. Прямо из вещевого склада мы все отправились к винному, так как винные лавки, по случаю продолжающейся все последнее время мобилизации – были закрыты. К коменданту-развалине мы уже больше не заходили, т.к. это было бесполезно. На винном складе разыгралась та же сценка, как и на вещевом, с той разницей только, что акцизный чиновник оказался глупее и упрямее интенданта, и нам пришлось самим сломать замки склада. Он, как верный цербер, охранял «казенное добро», которое, конечно, пригодилось ему потом для собственных, далеко не идеальных целей. Теперь у нас было все необходимое: запасами продовольствия и фуража нас снабдило Управление [Красного Креста], а я раздобыл походную солдатскую кухню. В 4 часа дня 14 ноября [1919 г.] транспорт наш двинулся из Омска и потянулся длинной лентой на восток по Иркутскому тракту, а 15 [ноября 1919 г.] утром в Омск вошли красные части.

Первые этапы

В этот день 14 ноября [1919 г.] мы успели проехать 10-12 верст и, ввиду наступившей ночи остановились на ночлег в одной из окрестных деревушек. Ночь прошла благополучно. Наш сон только изредка нарушали оглушительные взрывы со стороны Омска. Это взрывали многочисленные запасы

снарядов, патронов и пороха. Оказалось, что была даже попытка взорвать один из пролетов жел[езно]дор[ожного] моста через Иртыш, но неудачная. На следующий день, рано утром, мы двинулись дальше в путь и, чем дальше мы продвигались, тем безотраднее становилась открывавшаяся нашим взорам картина. Все чаще и больше попадались целые воинские обозы и разрозненные воинские части. Люди шли в одиночку и небольшими группами, ни строя, ни порядка не было никакого. О дисциплине и говорить нечего. Предводительствуемая своими «доблестными офицерами», вся эта ватага плохо одетых, полуголодных «героев» шла куда-то вперед, движимая инстинктом самосохранения, стараясь скорее попасть в свои родные села и деревни. По обеим сторонам дороги стали попадаться брошенные в снег: пушки, лафеты, винтовки и пулеметы с патронами. Вперемежку с солдатами плелись сотни саней, нагруженных скарбом беженцев, а рядом с ними брели их злополучные владельцы: мужчины, женщины и дети. Вся эта панически настроенная толпа шла, не отдавая себе отчета: куда она идет и зачем? Не знаю, где это были те армии, о которых пишет в своих воспоминаниях генерал Сахаров, и задача которых сводилась к прикрытию эвакуации. Мы вышли из Омска одними из последних, и нигде не было видно ни одной регулярной воинской части, отступающей в порядке. Все те, которые мы обгоняли по пути, и которые нас обгоняли, были в таком плачевном виде, что об оказании ими какого-либо сопротивления наступающим отрядам красных, не могло быть и речи. Об этом могли только мечтать многочисленные ком[андующие]армиями, удиравшие от красных в своих люкс-поездах.

По словам генер.[ала] Сахарова, даже в последние минуты правления Колчака, когда уже Омск и Новониколаевск были во власти красных, у Каинска все еще продолжались интриги и борьба вокруг Колчака. Дитерихс, Пепеляев и Сахаров, за назначение одного из них Глав[но]ком[андующим] армиями. Где же была та замечательная дисциплина, которая, по словам Сахарова, еще существовала, будто бы среди отступающих войск, когда он же

сам рассказывает о том, «как ком.[андующий] 2-ой армией генер.[ал] Войцеховский принужден был лично застрелить из револьвера командира корпуса генер.[ала] Гривина, который наотрез отказался подчиниться боевому приказу – задержать корпус и дать красным отпор, а заявил, что он поведет свой корпус прямо в Иркутск, и на предложение Войцеховского сдать командование корпусом ответил тоже отказом». А почему же назначенный на место Гривина генерал не исполнил этого «боевого» приказа Войцеховского, или сам он не попытался сделать это? Да очень просто, потому что регулярно отступающего корпуса никакого не было, а была лишь панически удиравшая толпа солдат и офицеров.

А вот что пишет Г. К. Гинс (Крушение колчаковщины): «Армии уже не было. Все рассыпалось, перемешалось. Войска шли с огромными обозами. Транспорт был целиком захвачен чехами. Дети, женщины, больные, все ехали вместе с воинскими частями. Сыпно-тифозных привязывали к лошадям и саням, чтобы они только не выскочили». Какова же, в сущности, была армия Колчака до эвакуации? Вот что пишет об этом барон Будберг в своем дневнике от 14 августа [1919 г.]: «Дитерихс «главком» добился, наконец, что армии доставили сведения о действительной их численности; оказалось, что у нас около пятидесяти тысяч строевых чинов, при 300 тысячах ртов; в армиях боевого элемента не больше 12-15 тысяч в каждой; т.е. приблизительно около дивизии хорошего состава. И над каждой из таких дивизий был назначен: ком[андующий]армией, корпусные командиры и т.д. И все они с бесчисленным количеством штабов: армий, групп, дивизий, бригад».

Однако, и эти незначительные «армии» могли бы оказать сопротивление красным, если бы не были брошены своими генералами на произвол судьбы. И так, рассчитывать на прикрытие этими армиями эвакуации нельзя было, и мы каждую минуту могли ожидать нападения на нас красных войск. Приходилось спешить, а как назло, выпал глубокий снег, и сделал почти невозможными объезды тянувшихся по дороге обозов и толпы бе-

женцев и солдат. С ночевками тоже с каждым днем все становилось затруднительнее. Я высылал вперед в качестве квартирьера нашего бравого вахмистра, татарина. Только благодаря его энергии и отчаянной удаче, мы не оставались без крова на ночь. Огромную службу нам оказывал и наш «золотой ключ». Но бывали случаи, когда мы, расположившись уже на новом пристанище, готовились к отдыху, как внезапно к нам в избу врвалась целая ватага офицеров, требующая немедленного очищения нами помещения, и угрожавшая, в случае неповиновения, сделать это силой. В таких случаях наш храбрый вахмистр, которого мы в шутку прозвали «секим-башка», выручал нас: он вскакивал и, обнажив шашку, свирепо кричал, наступая на них: «Уходи – зарежу, как собаку, секим-башка!» и непрошенные гости, храбрые только с безоружными, спешили ретироваться подобру-поздорову. До вооруженного столкновения, дела, слава Богу, ни разу не доходило. После такого инцидента наш храбрый защитник, обыкновенно, долго не ложился спать, охранял нашу безопасность и сон.

Не доезжая города Каинска, мы как-то расположились ночевать в одном большом селе. Поужинав приготовленными на походной кухне щами, мы уже мирно спали. Как вдруг, среди ночи, нас разбудил сильный шум, доносившийся со двора. Выйдя из избы, мы услышали сильный пулеметный треск. На улице было столпотворение вавилонское: из всех домов выскакивали на мороз полуодетые, а то и совсем раздетые люди: мужчины, женщины и дети. И все это кричало, визжало, плакало. Некоторые из них наскоро запрягали лошадей в сани и нагружали скарбом своим. Многие уже спешно проезжали и пробегали мимо нас. Прислушавшись к отдельным выкрикам, мы, наконец, поняли, что на село наступают красные, и что «спасайся, кому жизнь дорога»! Ничего не поделаешь, пришлось и нам собираться в путь, и хотя нам, как нейтральной организации (Кр.[асный] Кр.[ест]), нечего было опасаться неприятеля, но наша команда, состоящая из добровольцев и, в особенности, наш поручик и вахмистр, «секим-башка», ни

за что не соглашались попасть в плен к красным. Быстро свернувшись, наш транспорт выехал из села. Остановившиеся на ночлег в том же селе: батарея, команда пулеметчиков и какая-то пехотная часть, при первых же пулеметных выстрелах панически бежала, побросав пушки, пулеметы и даже ружья. Офицеры так же «храбро» удирали, как и солдаты. Разумеется, высшего командного состава с ними не было, но и они, наверное, если бы были, поступили бы так же «доблестно», как и вверенные им части, доведенные ими до такого ужасного состояния.

Потом оказалось, к стыду нашему, что никаких красных отрядов поблизости не было, и что все это проделали местные крестьяне, подняв стрельбу из пулеметов, очевидно, с целью поживиться брошенным в суматохе имуществом беженцев, которых они и без того обокрали немилосердно. Они ничем не рисковали, т.к. в любую минуту могли скрыться в тайге, будучи уверенны, к тому же, что им не окажут сопротивления. Убитых и раненых не было, т.к. крестьяне, как оказалось, боясь повредить свои избы, стреляли по верхам, и пули, ударяясь о крыши, и произвели тот шум, напугавший наших «храбрых воинов».

От Каинска до Ново-Николаевска

Не помню на какие сутки, после отъезда из Омска, мы прибыли в Каинск. Здесь мы решили устроить небольшую передышку и дать отдохнуть нашим измученным лошадам и всем нам, и команде выспаться, и выпариться в бане, чтобы избавиться, по возможности от пожиривших нас миллиардов паразитов, которыми щедро поделились с нами гостеприимные хозяева наших ночлежек. На следующее утро я узнал, что около станции Курган, расположенной в 1½ верстах от гор.[ода] Каинска стоит военно-санитарный поезд и, т.к. у нас двое из команды заболели сыпняком, то я хотел их поместить в этот поезд. Приехав на ст.[анцию] Курган, я увидел несколько составов поездов, из которых один состоял из пульманских вагонов, I и II классов, принадлежавших, как я узнал, одному из ком.[андующих]

армии (не помню, Войцеховскому или Сахарову). Глав[ный]врач санитарного поезда не посоветовал мне помещать моих больных к нему в поезд, т.к. он находился в ужасном состоянии: вагоны-теплушки почти не отапливались, больные и раненые голодали, и их больше умирало от лишений, чем от эпидемий и ран. Медикаментов у них было тоже очень мало, и врач просил меня снабдить ими их аптеку, что я охотно сделал. Во время нашей беседы в вагон вошел молодой, важный на вид офицер с аксельбантами, адъютант главкома и передал «приказ» последнего, чтобы я явился к нему. Уже одно слово «приказ» произвело на меня неприятное впечатление и не предвещало ничего хорошего. Но я решился не уклоняться от этого «любезного приглашения», больше всего из любопытства увидеть одного из этих пресловутых главкомов в теперешнем для них курьезном положении. В сопровождении адъютанта направился я к поезду ком[андующего]армии. Застал я его сидящим в салон-вагоне за письменным столом, покрытым целой грудой дел и бумаг. В другом конце вагона сидели две миловидные машинистки и трещали на ремингтонах. «Вы уполномоченный Глав.[ного] Упр.[авления] Кр.[асного] Кр.[еста] В.[олков]?» обратился он ко мне с вопросом, и на мой утвердительный ответ кратко и четко отчеканил: «Потрудитесь находящийся в вашем распоряжении транспорт из 40 подвод, освободить и к завтрашнему утру, к 9 ч., доставить сюда и сдать полковнику N.» Я ответил ему, что обозы подчинятся только законным распоряжениям своего прямого начальства и не имею права бросить на произвол судьбы ценного имущества Кр.[асного] Кр.[еста]. Генерал вспылал, и, повысив голос, грозно заявил: « Без рассуждений, извольте немедленно исполнить мое распоряжение – иначе я употреблю силу!» я понял, что с таким зазнавшимся самодуром бесполезно спорить, и что я, к тому же, не гарантирован получить пулю в лоб за неисполнение его «боевого приказа». Мы очутились в крайне затруднительном положении. В Каинске некому и некуда было сдать имущество Кр.[асного] Кр.[еста] на хранение. Сопротивляться мы не

были в состоянии. Приходилось подыскивать какой-нибудь другой выход из создавшегося положения. Мы его нашли.

Вернувшись со станции, я, сейчас же, собрал всех своих сотрудников, и мы сообща решили прибегнуть к хитрости: не ожидая завтрашнего утра, с наступлением ночи, собраться в путь и, воспользовавшись темнотою, выбраться из города незамеченными кордоном часовых, расставленных ком[андующим]армией, и не допуская выезда из города без особого разрешения. По счастью для нас случайности с вечера началась снежная пурга, и в 2-х шагах нельзя было различить, что делается. Наш транспорт потянулся, имея во главе верхами поручика и вахмистра. На каждах санях сидело по одному вооруженному добровольцу, а в конце ехал я. Когда мы поравнялись с заставой, транспорт был остановлен окриком часового. Дежурного вахтенного офицера поблизости не было, он, очевидно, спрятался где-нибудь от пурги. Наш поручик объяснил часовому, что едет обоз воинской части, и что пропуск находится у начальника обоза В.[олкова], едущего в последних санях. Часовой пропустил транспорт и, когда мои сани поравнялись с ним, попросил предъявить пропуск. Я вынул один из многочисленных, имеющихся у меня мандатов Кр.[асного] Кр.[еста] и, при свете фонаря, показал ему. Наверное, часовой был малограмотный, а большая печать на мандате импонировала, и он, не разобрав подписи, молча пропустил нас. И так хитрость наша удалась. Больных добровольцев пришлось везти с собою, т.к. они умоляли меня не оставлять их в Каинске. На одном из следующих этаповстряслась над нами новая беда. Проснувшись как-то рано утром, я заметил, что лежащий рядом со мною на полу фельдшер наш в сильном жару – бредит. Когда мы расстегнули его рубашку, чтобы поставить градусник, то увидели, что вся грудь его разрисована сыпняком. Оставлять его в глухой деревушке, без медицинской помощи, было немислимо, и мы повезли его дальше с собою, в отдельных санях, для чего пришлось пожертвовать частью съестных припасов, которые, я тут же

раздал крестьянам. Не помню точно, которого, но в последних числах ноября [1919 г.] (по с.[тарому]ст.[иллю]) без особых дальнейших приключений мы добрались, наконец, до Ново-Николаевска.

В Ново-Николаевске

Приехав в Н.[ово-]Никол.[аевск] я, прежде всего, разыскал Глав.[ного] Упол.[номоченного] тыла Кр.[асного] Кр.[еста] Князя Куракина и попросил его указать мне кому и куда мне сдать имущество Кр.[асного]Кр.[еста], так как намерен был расформировать транспорт и дальше не эвакуировать, убедившись на деле, что это была бессмысленная затея, которая ни к чему путному не приведет, а лишь причиняет страдания, лишения тем, кто принужден был подчиниться, по меньшей мере, легкомысленному распоряжению правительства Колчака.

Как и следовало ожидать, Управ.[ления] Кр.[асного] Кр.[еста] в Ново-Николаевске уже не было – оно все успело уже удрать в Иркутск, передав все права свои князю Куракину. Когда князь Куракин меня увидел, то страшно обрадовался. Бедняга решительно сбился с ног. Нужно было эвакуировать из Н.[ово-]Ник.[олаевска] значительные продовольственные запасы, и ему одному приходилось обо всем заботиться. Я с удовольствием помог ему, и мы занялись перевозкой и погрузкой запасов в вагоны, куда я погрузил и имущество Кр.[асного] Кр.[еста]. Но когда я объявил ему о своем намерении расформировать транспорт, он запротестовал и объявил, что он, к сожалению, не только не имеет права освободить меня, а, наоборот, принужден назначить начальником одного объединенного транспорта, который образуется из всех прибывших в Н.[ово-]Ник.[олаевск] транспортов из других родов округа и с фронта.

Вся эта неразбериха до того мне опротивела, что я решил не подчиняться больше этим кукольным властям. Расформировав транспорт и отпустив на волю всех своих сотрудников, я хотел с семьей своей, приехавшей в Н.[ово-]Ник.[олаевск] за несколь-

ко дней до меня, отправиться прямо в Томск, и там ожидать прихода красных. Увы, мне не удалось исполнить этого и не потому, что не мог или боялся ослушаться распоряжения милостивого и симпатичного князя Куракина, а исключительно из сострадания к сотням беженцев, которыми переполнен был, тогда еще небольшой, Н.[ово-]Николаевск. Они стали осаждать меня с утра до вечера, умоляя спасти их семьи от «красной опасности». Они были такие несчастные, вид у них был такой отчаянный, что и самое жесткое сердце, наверное, содрогнулось бы.

Освободившихся от имущества Кр.[асного] Кр.[еста] саней, конечно, недостаточно было, чтобы погрузить всех желающих с их скарбом, так что пришлось снова закупать лошадей, сани, упряжь, где только возможно. Формирование транспорта затянулось, т.к. с каждым днем появлялись все новые и новые претенденты, положение которых действительно было критическое. Я увидел, что мне не выбраться из этого омута человеческих страданий и что, если я лично обязан по долгу службы и из человеколюбия к этим несчастным – продолжать далее эту трагикомедию, то не имею нравственного права подвергать больше семью мою всем этим лишениям и опасностям, которые, неминуемо, испытает при дальнейшей эвакуации. И я решил отправить ее отсюда прямо в Томск. Но иногда приятели и друзья бывают хуже врагов. Начали сбивать нас с толку, предлагая всевозможные проекты эвакуации. В конце концов, добились того, что я согласился поместить семью свою в поезде начальника эвакуации генерала Белова (быв.[шего] начальника добровольческих формирований). С этим поездом отправлялись хорошие знакомые наши К. с молодой женой и помнится, Л., приехавший с семьей моею в Н.[ово-]Николаевск. Для них и еще нескольких лиц отвели товарный вагон – теплушку с нарами и железной печкой, внутри обитый кошмой. Я был знаком с генералом Беловым, т.к. устраивал санитарные обозы для его добровольческих частей. Он вполне одобрил мое решение и заявил, что имеет пропуск по обоим жел[езно]дорожным путям (правому

и левому) и ручается, что доставит семью мою через 2-3 дня в Иркутск – живой и невредимой. Хотелось верить, тем более что, по-видимому, это был самый надежный способ выйти из данного затруднительного положения.

Водворив семью в вагон, и погрузив туда же привезенные с ними вещи, я немного успокоился, зная, что поезд должен, с часу на час, отправиться в путь. Но вот проходит день, другой, а он все еще стоит на месте. Оказалось, пресловутое право Белова – фактически неосуществимо, т.к. оба пути давно уже были заняты целой лентой поездов. Только спустя несколько дней поезд их медленно потянулся за другими, впереди него стоящими и стал продвигаться 10-15 верст в сутки. Снова мне пришлось убедиться, что все эти ком[андующие]армиями и другие генералы не имели понятия о том, что творилось за пределами их вагон-салонов. Неудивительно, что поезда эти все двигались как черепахи, т.к. по пути все время попадались отдельные поврежденные вагоны и целые составы, у которых были заморожены паровозы. Они были покинуты своими пассажирами вместе со всем их скарбом на произвол судьбы. Эти несчастные, обманутые правительством Колчака служащие, плелись дальше по полотну жел[езной]дор[оги] и прилегающим к нему дорогам, часто по пояс в снегу. Когда поезд вплотную подходил к такому «мертвому составу», то всем пассажирам приходилось вылезать из своих теплушек, чтобы общими усилиями сталкивать с пути и опрокидывать под откосы его мешавшие вагоны и замороженные паровозы. Эти операции требовали много времени и сопряжены были с огромными затруднениями, т.к. не было никаких приспособлений, и приходилось все это проделывать руками при наступивших, к тому же, свирепых сибирских морозах и снежной пурги, которая, в довершение ко всем этим прелестям, заносила пути и поезда глубоким снегом.

Рано или поздно, но участь всех этих поездов была одинакова: двигались вперед, пока хватало топлива (воду заменяли маслом), а когда оно иссякало, и замерзал паровоз, пассажирам приходилось следовать примеру

их предшественников. Эти покинутые всеми поезда составляли лакомую добычу крестьян ближайших деревень. Они подъезжали к ним целыми партиями, ломали вагоны и грабили все что было, начиная от мануфактуры, продовольственных запасов и т.д., и кончая жалким скарбом служащих. Мне приходилось наблюдать, как целая банда этих разбойников разбивала один из вагонов, где как раз были погружены медикаменты Кр.[асного]Кр.[еста] Они выкидывали из вагона на полотно все лекарства, предварительно ломая их, очевидно, в поисках чего-нибудь спиртного.

Здесь я еще лишний раз имел случай убедиться в подлинной натуре русского мужика: «Не мне – так и не тебе – никому не достанется». Они отлично сознавали, что истребляют очень ценные и нужные вещи, но раз они им негодились, то пусть и никто ими не воспользуется. Напрасно стараются оправдать такие поступки их невежеством, они хорошо знают цену вещам и очень бережно относятся к собственному хламу. Нет, здесь они ярко проявляли эту свою алчность и зависть, т.к. при дележе награбленного они между собою ссорились, дрались и калечили друг друга. Однако не будем больше тревожить «нашего многострадального русского мужика», а то, пожалуй, меня сочтут за русофоба, а я никогда им не был, и очень страдал, когда пришлось разочароваться в добродетелях русского народа.

Четвертого декабря [1919 г.] за № 1126 я получил официальное распоряжение от Главноуполномоч. Кр.[асного] Кр.[еста] князя Куракина следующего содержания «Заведующему транспортом Вр[еменного] Упр[авления] Р[оссийского] О[бщества] К[расного] Кр.[еста] Н[иколаю]Н[иколаевичу]В[олкову] Предложив Вам вступить в исполнение обязанностей Начальника Транспорта Гл[авного] Уп[равления] Кр.[асного] Кр.[еста] и подчинив Вам заведующих транспортом Управления Главноуполномоченного Восточного фронта Таматаева и Ремпеля с их обозами и имуществом, прошу Вас озаботиться выделением из конского состава всех транспортов наиболее надежных лошадей, для составления одного

обоза и о последующем мне донести для совместного с Вами разрешения этого вопроса. Начальником строевой части остается поручик Г.».

Это было последнее распоряжение князя Куракина, после чего он снял с себя полномочия и присоединился к моему транспорту в качестве простого беженца. К нему же примкнул и бывший Главполн.[омоченный] фронта князь Голицын с семьей своей, уже до этого развенчанный.

Когда я последний раз был на станции Н.[ово-]Ник.[олаевск], то застал там невероятный хаос. Наши «пресловутые освободители» от «большевистской власти» чехи, вели себя как обезумевшие от страха бандиты: они силой захватывали и отбирали паровозы и вагоны, высаживая из них всех пассажиров, нагружали их награбленным ими русским добром. Они спешили удрать и готовы были какой угодно ценой заплатить за спасение своих драгоценных шкур. В Иркутске потом они подло предали Колчака, чтобы только получить беспрепятственный пропуск во Владивосток. Остальные наши «доброжелатели» в лице «высоких комиссаров», дружественных нам держав вели себя не так вызывающе, но не ударили пальцем о палец, чтобы помочь нам в эти критические минуты.

Одни только поляки вели себя доблестно и до конца остались нам верными. Под руководством своего храброго полковника Румша, они защищали тыл эвакуировавшихся наших и своих эшелонов. Министр П.[утей] С.[оощения] Л. А. Устругов оказался в затруднительном положении: у него тоже неверные чехи отобрали бы паровоз его поезда, если бы он не прибег к хитрости и не упрятал его заблаговременно в жел[езно]дор[ожном] депо под видом ремонта. Наконец, все мои приготовления были закончены и 14 декабря [1919 г.], под вечер, наш бесконечный обоз длинной лентой потянулся из Н.[ово-]Ник.[олаевска] по окольному жел[езно]дор[ожному] полотну пути, а 15 декабря [1919 г.] Н.[ово-]Ник.[олаевск] был занят красными.

Станция Тайга

Я предполагал, что поезд, с которым уехала моя семья, должен был далеко отъехать, но, увы, застал его на одной из ближайших станций. Мы стали подвигаться почти одновременно, и когда обоз близко подходил к станции, то навещал их. Переезды и ночевки продолжались с теми же затруднениями, как и до Н.[ово-]Ник.[олаевска], но было труднее размещать на ночь всю мою ораву беженцев. Это отнимало много времени, и мне приходилось ложиться спать поздно ночью, а с рассветом снова двигаться в путь. На одном из этих этапов наш храбрый «секим-башка» заболел сыпняком, и везти его дальше не было никакой возможности, и мы с грустью и сердечной болью расстались с ним, оставив его на попечении одного «сердолюбивого» крестьянина, которого мы, разумеется, щедро вознаградили за его «доброту». Так мы и не узнали потом, какая постигла его судьба, но, расставаясь с ним, он просил оставить заряженный револьвер, т.к. ни за что не хотел отдаться в плен красным живым.

На ст.[анции] Тутальская я в последний раз по пути виделся с семьей. Мы должны были встретиться на следующей ст.[анции] Литвиново, но произошло непредвиденное обстоятельство. Чтобы разместить беженцев своего транспорта на ночлег, пришлось немало уклониться от прямого пути и заехать в соседнюю деревню, т.к. все было занято. С большим трудом я разместил их и почти всю ночь не спал, а рано утром поехал сам вперед, чтобы подыскать ночлег на следующем этапе у ст.[анции] Тайга. Дорогой усталый я заснул, в кибитке, а кучер мой проехал прямо в Тайгу, не заезжая на ст.[анцию] Литвиново. Подъезжая к Тайге, я встретил кн.[язя] Голицына, который выехал туда накануне. Он сообщил мне, что в Литвинове меня разыскивают, т.к. поезд, с которым ехала моя семья, дальше продвигаться не мог, и ген.[ерал] Белов со всеми мужчинами, способными продолжать путь пешком, покинул поезд, оставив на произвол судьбы стариков, больных, женщин и детей. А среди них была и моя семья. Я хотел сей-

час же возвратиться на ст.[анцию] Литвиново, чтобы выручить ее из беды, но это оказалось невыполнимым, т.к. все дороги и жел[езно]дор[ожное] полотно были запружены обозами и толпами беженцев и солдат. А разъехаться с встречными или объезжать их по глубокому снегу было невозможным. Пробившись напрасно несколько часов, я принужден был отказаться от этого намерения. Оставалась последняя надежда, что обоз наш, проходя мимо Литвиново, захватит там мою семью.

Я отправился в поселок Тайга, чтобы найти необходимое помещение для ночлега. Все было переполнено, и я с большим трудом отыскал небольшую комнату в здании школы. К вечеру прибыл транспорт, но семьи моей он не привез, т.к. тоже не заезжал на ст.[анцию] Литвиново, прямо проследовал сюда. Исчезла последняя надежда. Я был страшно удручен. Что делать? Как выручить ее? Ничего придумать не мог. Оставалось одно только: дальше не ехать и выжидать последующих событий на ст.[анции] Тайга. Авось они как-нибудь сами доберутся сюда! Последнее терпение мое лопнуло. Я понял, что не имею права жертвовать самими для меня людьми ради какого-то призрачного долга службы. Я передал свои полномочия одному из бывших начальников транспорта и отправился на ст.Тайгу. Там на вокзале я намерен был ждать их приезда с одним из польских эшелонов, проходившим еще с запада, или, по крайней мере, узнать что-нибудь о них. На ст.[анции] Тайга остались только полки. Прогуливаясь уныло по перрону, я случайно заметил на одной из дверей записку, которыми были покрыты все стены вокзала. Эта записка гласила: «Уполномоченному Кр.[асного] Кр.[еста] Н.[иколаю] Н.[иколаевичу] В.[олкову] – мы на разъезде в эшелоне № 24. – Лена, Ляля, Юра». Подписи были моих детей и молодой жены К., Подписи жены не было. Значит, ее с ними не было. Лена была еще очень молода и малоразвита, а детям моим было 12 и 13 лет. Жутко было подумать, что они остались одни!

Немного спустя, поляки узнали по телефону, что Литвиново занято красными. Проходили последние польские эшелоны, и с

ними много беженцев, которых поляки по пути подбирали к себе, но среди них детей моих и жены не было. Напрасно я обходил каждый поезд с головы до хвоста. Боясь пропустить один из этих эшелонов, которые следовали один за другим без всякого расписания, я, в течение 2-х суток не спал и не ел, т.к. на вокзале не было буфета, а отлучиться в поселок было рискованно. Хотя, как утверждал комендант, у них эшелона за номером 24 не было. В это время мог пройти поезд с моими детьми и увезти их дальше. Вконец обескураженный и измученный бессонницей, я сидел в комнате коменданта станции, как вдруг туда вошел какой-то служащий в путевой фуражке и сообщил, что эшелон Алтайской жел[езной] дороги удалось продвинуть почти до самой ст.[анции] Тайга.

Меня как будто что осенило, и я спросил его номер эшелона. Узнав, что это был № 24, я опрометью бросился к нему, захватив с собою одного из санитаров Конева. Мне сказали, что этот поезд находится в 10 верстах от ст.[анции] Тайга. Было около 11 ч. ночи – свирепствовала сильная пурга, и в нескольких шагах ничего не было видно. С большим трудом пробирались мы по полотну по колено в снегу. Приблизительно каждые 100-200 шагов стояли «мертвые составы», покинутые своими пассажирами. Тем не менее, я тщательно обходил все вагоны, разыскивал и звал по именам детей. Но тщетно, только гулкое эхо пустых вагонов было ответом на мои крики! Вот мы уже прошли 10 верст, а их все нет! Где они? Не ошиблись ли они, указав № 24. Каким образом могла записка их попасть на ст.[анцию] Тайга раньше их? Или они уже проехали ее? Весь этот рой мыслей пронесся, как вихрь, в моей голове. Я чувствовал, что слабею, что энергия моя падает. Но в эту минуту пурга немного стихла, само провидение пришло мне на помощь. Санитар заметил вдали силуэт еще одного поезда.

Мы бросились к нему. Состав оказался тоже пустым, в хвосте его раздавался треск и крики. Это, по обыкновению, крестьяне грабили вагоны. Я стал обходить вагон за вагоном, везде пусто, тихо и темно. Как вдруг,

я заметил, что в одном из последних вагонов мерцает слабый огонек. Зайдя в него, я увидел следующую картину: освещенный огарком свечи, сидели мои дети и Лена, а рядом в купе помещались – тифозный офицер с женой. Напряженные нервы мои больше не выдержали – произошла реакция, и я от радости расплакался. Мне не стыдно в этом сознаться, т.к. тот, кто пережил такие минуты, поймет меня, и не будет смеяться. Я послал санитаров за 2 санями и перевез детей, Лену и семью офицера на подготовленную квартиру. От детей я узнал, что жена моя на ст.[анции] Литвиново, умудрившись поместить их с Леной в этом эшелоне, побежала сама, чтобы захватить с собою еще немного съестного, а в это время как раз поезд двинулся в путь, и она осталась на ст.[анции] Литвиново. К счастью, дети были еще так юны и наивны, что не отдавали себе ясного отчета, какую драму они переживали. Когда я их застал в вагоне, они беспечно сидели и спорили о том, какие из оставшихся вещей надо спасти и взять с собою. И сыну, во что бы то ни стало, хотелось захватить с собою оставленное кем-то большое седло кавалерийского образца.

Теперь оставалось разыскать жену. Приблизительно через сутки приехала и она, со старичком Л. в последнем польском бронепоезде. Они примостились в товарном вагоне, где были погружены снаряды, и каждую минуту рисковали взлететь на воздух, т.к. все время были под обстрелом красных. Вот, наконец, вся семья моя в безопасности. Я немного успокоился и после 3-х бессонных ночей уснул, как убитый. На следующий день проснулся я рано утром под треск пулеметов: это наступали красные, а поляки защищались. Оглянувшись, я заметил, что место на полу, где спала жена, пусто, и узнал, что она рано утром побежала на вокзал, чтобы отнести немного теплого белья старичку Л., который хотел продолжать путь в польском броневике. Сражение было в полном разгаре, и, возвращаясь домой, она неминуемо, должна была попасть под обстрел той или другой стороны. Картины, одна мрачнее другой, пронеслись в моем, и без того измученном, воображении. Я пред-

ставлял ее себе раненой, быть может, убитой, лежащей где-нибудь на дороге, без помощи, покинутой всеми. Ни минуты не колеблясь, что предпринять, я надел украдкой шубу и хотел незаметно от детей проскользнуть на двор. Но они увидели мой маневр и вцепились в меня и не пускали, плача и крича: «Папа, и мы пойдем с тобою!» Что оставалось делать? Брать их с собою и подвергнуть риску быть убитыми шальными пулями или оставаться и ждать прихода жены? И я принужден был остаться, хотя сердце обливалось кровью. Спустя часа 3, появилась, наконец, и моя дражайшая половина, и привела за руку с собою совершенно потерявшегося старичка Л. Они возвращались с вокзала под непрерывным обстрелом пулеметов, и только совершенно случайно остались живы и невредимы. Снова мы прожили жуткие часы, но в этот раз, по собственной вине жены моей.

Училище, в котором находилась наша комната, было расположено на небольшом пригорке, и из окон его второго этажа были видны на далекое расстояние окрестности поселка. Весь двухэтажный дом был переполнен эмигрировавшими служащими Кр.[асного] Кр.[еста] с их семьями. В нашей маленькой комнате помещались, кроме моей семьи, Лена, и еще старичок Л. и санитар К. Рядом, в проходной темной клетушке – тифозный, а за стеной жила семья учителя, заведующего этим училищем, у которого дочь умирала от чахотки. На время затихший пулеметный треск снова возобновился, и я подошел к окну и увидел редкую картину: с одной стороны наступала цепь красных пулеметчиков, с другой – польские отходили, отстреливаясь. Вдруг задрезжали стекла, и в нашей комнате посыпалась штукатурка. Училище попало под обстрел обеих сторон. Я крикнул, чтобы все ложились на пол. Ползком добрались мы до русской печи в соседней комнате, и за нею спрятались от пуль. Дочь почувствовала, что-то горячее у себя на шее и обнаружила расплюснутую пулю пулемета. Но, несмотря на жуткие минуты, мы все были в приподнятом настроении, и даже шутили над своими комическими позами. Когда пулеметный треск затих, мы вышли из своего

убежища и уселись в своей комнате за столом, в ожидании грядущих событий. Не помню точно кому, но, кажется, Семизорову, находившемуся в то время у нас, взбрела в голову шальная мысль достать бутылку водки и выпить из нее несколько рюмок. Как раз в это время с криком ворвались в дом десятка два вооруженных винтовками рабочих. Несколько человек вошли в нашу комнату, и один из них, увидев на столе бутылку с водкой, закричал: «Ах они, буржуи проклятые, мы кровь проливаем, а они водку пьют! К стенке их, к стенке!» И с этими словами они стали выгонять прикладами всех из дома. Поднялся невероятный шум: женщины и дети кричали и плакали, выбегая в одних платьях на двор. Туда же собрались и рабочие, они согнались к стенке и выстроились перед нами, держа винтовки наготове.

Каждую минуту я ожидал, что раздастся залп, и на моих глазах расстреляют всю мою семью. Не могу выразить словами, что пережил я в эти кошмарные минуты. Можно было потерять рассудок. Но я не растерялся. Я увидел, что рабочие почему-то медлят стрелять, и догадался, что они ожидают распоряжения своего начальника, который задержался почему-то в нашей комнате. Я поспешил наверх и нашел его там, чего-то ищущего там и шарившего. Я схватил оставленную им у двери винтовку и, став наизготовку, крикнул: «Ни с места, иначе буду стрелять». Не знаю, привел бы я свою угрозу в исполнение или нет? В такие ужасные минуты никто не может поручиться за себя, быть может, при попытке его насильно выйти из комнаты, я применил бы все средства, чтобы задержать его там. Но он, к счастью, этого не сделал. В это время, как я узнал потом, жена моя успела выскочить на улицу и бросилась бежать, ища помощи. Как раз в это время там проезжал красный командир А. Жена подбежала к нему и рассказала, в чем дело. Они пришпорили лошадь и въехали в указанные ею ворота. Застав описанную выше сцену, он крикнул: «Ружья отставить!

Красная Армия с женщинами и детьми не сражается!» Его окружили все, и рабочие в свое оправдание стали утверждать, что из этого дома стреляли, и что в нем, должно быть, спрятано оружие. А. сказал, что сейчас разберет это дело: перерыли и обыскали весь дом, с подвалов до чердака включительно, и, разумеется, ничего не нашли. После этого он приказал рабочим удалиться. Узнав, что почти все обитатели дома служащие Кр.[асного] Кр.[еста], он очень доброжелательно отнесся к нам и оставил 2-х красноармейцев, чтобы охранять нас от подобных случайностей. Он оказался раненым, и ему тут же была оказана первая помощь.

В благодарность за спасение наших семейств я просил его от нас на память принять великолепного жеребца, премированного на скачках, подаренного мне князем Голицыным. После этого события мы постепенно стали успокаиваться. Тогда назрел другой вопрос – нужно было скорее выбираться из Тайги в Томск. Жизнь здесь становилась с каждым днем все хуже и хуже: колчаковские ден[ежные]знаки перестали функционировать, а других у нас не было. По улицам и площадям поселка бродили сотни полудохлых лошадей, и на снегу валялись обглоданные кости лошадиных трупов. На станции платформы и товарные вагоны были переполнены трупами умерших от тифа и замерзших мужчин, женщин и детей. Ими нагромождены были и площадки и буфера вагонов. Все эти трупы были раздеты догола. Как говорят, в одном только Н.[ово-]Ник.[олаевске] было сожжено в крематории до 10 тыс.[яч] трупов. По жел[езной] дороге ехать еще не разрешалось, и нам пришлось нанять в соседней деревне подводы для перевозки нас и вещей в Томск. Тут снова мы испытали алчность сибирского крестьянина: они содрали с нас за перевозку все, что только можно было, и, кроме того, обокрали нас дорогой. Наконец, на 3-и сутки мы добрались до Томска.

References

1. Arkhiv UFSB Rossii po Stavropol'skomu krayu [Archive of the FSB of Russia in the Stavropol Territory]. F. 71. ASD. 13301–pf. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]. F. R–1064. Op. 2. D. 10.
2. Akulshin, P. V., Grebenkin, I. N. 100-letiyе rossiyskoy revolyutsii: yubileynnye vekhi otechestvennoy istoriografii [The 100th Anniversary of the Russian Revolution: Jubilee Milestones in National Historiography] // Noveyshaya istoriya Rossii [Modern History of Russia], 2019. Vol. 9, No. 2. P. 292-311. [In Russian].
3. Alekseyeva, O. A., Zhuravlev, Ye.N., Sushko, A. V. Retsenziya: «“Belye ofitsery – krasnaya vlast’”: imennoy ukazatel’ k fondam Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti (konets 1919 g. – 1920-ye gg.)» – Omsk, «Amfora», 2017 [Review: «“White officers – red power”: a nominal index to the funds of the Historical Archive of the Omsk Region (late 1919 – 1920s)» – Omsk, «Amfora», 2017] // Severnyye arkhiy i ekspeditsii [North Archives and Expeditions], 2018. Vol. 2, no. 3. P. 57-64. [In Russian].
4. Anfert'yev, I.A. Novyye napravleniya v sovremennoy otechestvennoy istoriografii. Voenno-istoricheskaya antropologiya: teoreticheskiye i mezhdistsiplinarnyye problemy novoy otrasli istoricheskoy nauki [New directions in modern domestic historiography. Military historical anthropology: theoretical and interdisciplinary problems of the new branch of historical science] // Teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya. Rossiyevedeniye. Obshchestvennyye funktsii gumanitarnykh nauk. Sbornik materialov konferentsii «Gumanitarnyye chteniya RGGU – 2010», Moscow : RGGU, publ., 2011. P. 319-328. [In Russian].
5. Bazhukov, V. I. Voyennaya antropologiya: ob'yekt, predmet, napravleniya, metodologiya [Military anthropology: object, subject, directions, methodology] // Vestnik voyennogo universiteta [Herald of the military university], 2008. No. 3. P. 37-45. [In Russian].
6. Gladyshev, A. N. Antropologicheskiy povorot v voyennoy istorii [Anthropological turn in military history] // Dialog so vremenem [Dialogue with the Time], 2017. No 59. P. 136-150. [In Russian].
7. Grazhdanskaya voyna v Sibiri i v Severnoy oblasti [Civil war in Siberia and in the Northern region] / comp. S.A. Alekseev; under the editorship of N. L. Meshcheryakov. Moscow – Leningrad: State Publishing House, publ., 1927. 480 p.
8. Nekhayev, A. V. Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: porazheniye «natsii» ili pobeda «naroda»? [The 1917 revolution in Russia: the defeat of the «nation» or the victory of the «people»?] // // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2017. No. 2. P. 6-8. [In Russian].
9. Petin, D. I. «Izvestiy ne imeyu o nem i sam ne pishu...»: istochniki lichnogo proiskhozhdeniya o sud'be emigranta Nikolaya Nikolayevicha Artamonova-mladshogo [«No news on it and haven't written...»: the sources of personal origin about the fate of the immigrant Nikolay N. Artamonov, Jr] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2018. No. 2. P. 18-23. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-18-23. [In Russian].
10. Petin, D. I. «The steamer started moving, the music began to play ...»: the son of a military expert of the Red Army M. N. Artamonov on the journey from Omsk to Obdorsk (1922) // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2018. No. 3. P. 34-43. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-34-43. [In Russian].
11. Petin, D. I., Kaminskiy, V. V. General-mayor Genshtaba N. N. Artamonov (1872-1937): biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov [General-Major of the General Staff N. N. Artamonov (1872-1937): A Biography in Light of New Sources] // Vestnik arkhivista [Herald of an Archivist], 2017. No. 3. P. 274-300. [In Russian].
12. Petin, D. I., Stelmak, M. M. Pedagogika v arkhive na sluzhbe preodoleniyu sovremennykh mifov massovogo soznaniya o Grazhdanskoy voyne v Rossii [Modern perception of the civil war: pedagogy]

gy as overcoming myths in mass consciousness] Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2018. No. 3. P. 9-15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15. [In Russian].

13. Razinkov, M. E. Belyye, krasnyye, interventy: psikhologiya vooruzhennogo protivostoyaniya: voyenno-istoricheskaya antropologiya [White, red, invaders: psychology of armed confrontation: military-historical anthropology]. Saarbrucken: Lap Lambert, publ., 2012. 187 p. [In Russian].

14. Samoylov, N. A., Khodjakov, M. V., Yanchenko, D. G. Nauchnyy seminar v Pekine, posvyashchenny stoletiyu Oktyabr'skoy revolyutsii 1917 goda [Scientific Seminar Dedicated to the 100th Anniversary of the October Revolution of 1917], Noveyshaya istoriya Rossii [Modern History of Russia], 2017. No. 4. P. 179-201.

15. Senyavskaya, E. S. Chelovek na voyne, ili ternistyy put' ot voyennoy istorii k voyennoy antropologii [A man in war, or a thorny path from military history to military anthropology] // Istoricheskiy vestnik [Historical Herald], 2018. Vol. 24. P. 10-43. [In Russian].

16. Skipina, I. V. Chelovek v usloviakh Grazhdanskoy voyny na Urale: istoriografiya problem (Tyumen, 2003). [In Russian].

17. Stelmak, M. M. Glavnaya konferentsiya o revolyutsii i Grazhdanskoy voyne v Omske: itogi nauchnoy diskussii [The main conference on the revolution and the Civil War in Omsk: the results of the scientific discussion] // Severnyye arkhivy i ekspeditsii [North Archives and Expeditions], 2018. Vol. 2, no. 1. P. 57-64. [In Russian].

18. Sushko, A. V. «Russkaya» vs «sotsialisticheskaya»: k voprosu ob opredelenii kharaktera revolyutsii v Rossii // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2017. No. 2. P. 9-12. [In Russian].

19. Tsvetkov, V.Zh. Osnovnyye tendentsii i perspektivy izucheniya Belogo dvizheniya [Main trends and prospects of studying the White movement] // Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917-1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii [Russia during the Civil War, 1917-1922: essays on history and historiography] / resp. ed. D. B. Pavlov. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018. P. 239-262. [In Russian].

20. Volkov, N. Memuary (publikatsiya N.Ye. Kolchanovoy) [Memoirs (publication by N. E. Kolchanova)] // Aurora [Aurora], 2017. No 3. Access mode: <http://litavrora.ru/index.php/izbrannoe/item/282-nikolaj-volkov-21-06-18-1872-18-08-1937-memuary> (accessed September 6, 2019).

Правильная ссылка на статью

Петин Д. И. Эвакуация из Омска (1919 г.): мемуарные записки служащего Красного Креста Н. Н. Волкова // Северные Архивы и Экспедиции. – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 63-84.